

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Стратегии и тактики коммуникативного поведения

С.В. Лаврова

Исполнитель Аджаров Дмитрий Вадимович
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель доктор педагогических наук, профессор
(ученая степень, ученое звание)
Харченкова Людмила Ивановна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой
(подпись)
кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«18» января 2024 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКА	6
1.1. Коммуникативное поведение: к определению понятия.....	6
1.2. Специфика русского коммуникативного поведения.....	19
1.3. Коммуникативные стратегии и тактики	22
Выводы:.....	30
ГЛАВА II. АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК С.В. ЛАВРОВА	32
2.1. Становление С.В. Лаврова как дипломата	32
2.2. Политические коммуникативные стратегии и тактики С.В. Лаврова.....	34
Выводы:.....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	50
БИБЛИОГРАФИЯ	52

ВВЕДЕНИЕ

В современном быстро развивающемся мире информационные технологии играют ключевую роль, делая коммуникацию жизненно важным инструментом взаимодействия как на глобальном уровне, так и в повседневном общении. Особое внимание уделяется роли эффективной коммуникации, особенно лидеров и политиков, чье воздействие простирается на принятие решений и формирование общественного мнения.

Стратегии и тактики, представляют собой ключевой аспект коммуникативного поведения. В этом контексте Сергей Викторович Лавров, учитывая его многолетний опыт в области международных отношений, является выдающимся примером успешной коммуникации на мировой арене. Его способность эффективно взаимодействовать с представителями других государств, средствами массовой информации и широкой аудиторией делает его значимым объектом для изучения и анализа.

Исследование стратегий и тактик коммуникативного поведения началось еще в конце 80-х годов прошлого века и продолжает развиваться. Работы таких ученых, как Т. А. Ван Дейк, В. З. Демьянков, И. Н. Борисова, О. С. Иссерс, Е. В. Ключев и другие, подошли к этим понятиям с разных точек зрения, выявляя стратегии и тактики в различных сферах общения. В частности, политическая коммуникация привлекла большое внимание исследователей, таких как О. Л. Михалева, О. Н. Паршина, Н. Б. Руженцева, И. В. Самарина.

Глобальность преобразований, к которым ведут результаты политической дискуссий, выявляет важность изучения коммуникаций в контексте политического дискурса.

Актуальность исследования обусловлена потребностью изучить особенности политической речи, проанализировать коммуникативное поведение С.В. Лаврова, выявить характерные для выступлений С.В. Лаврова коммуникативные стратегии и тактики. В контексте современных сложных межнациональных отношений особенно важным является эффективное

коммуникативное поведение политических деятелей, которые непосредственно влияют на принятие внешнеполитических решений и формирование «имиджа» государства на международной арене.

Научная новизна данной работы обусловлена малочисленностью исследовательских работ, посвящённых изучению коммуникативного поведения С.В. Лаврова.

Объектом исследования является коммуникативное поведение министра иностранных дел Сергея Викторовича Лаврова.

Предмет исследования – коммуникативные стратегии и тактики, отражающиеся в коммуникативном поведении С.В. Лаврова

Цель исследования – провести аналитическое исследование стратегий и тактик коммуникативного поведения С.В. Лаврова

В соответствии с поставленной целью определены следующие **задачи**:

- Дать определения основным понятиям, используемым в ВКР.
- Описать классификации коммуникативных стратегий и тактик в политической речи.
- Проанализировать тексты публичных выступлений С.В. Лаврова.
- Выявить преобладающие коммуникативные стратегии тактики в публичных выступлениях С.В. Лаврова.

Методологическая основа исследования. В данной работе используются следующие методы: лингвистический анализ текстов, наблюдение.

Основой исследования послужили теоретические труды О.С. Иссерс, В.З. Демьянков, Т.А ван Дейк, О.Н. Паршина, А.П. Чудинов, А.Ю. Маслова и др.

Теоретическая значимость. В данном исследовании представлены особенности русского коммуникативного поведения, выявлены политические стратегии и тактики, используемые С.В. Лавровым, а также описана их классификация.

Практическая значимость. Материалы данной работы могут быть

применены для продолжения исследования коммуникативных стратегий и тактик в политическом дискурсе. Также в процессе подготовки курсов лекций и специальных курсов по «Политической лингвистике» и «Риторике», при подготовке учебников и учебных пособий по данным научным дисциплинам.

Структура работы: дипломная работа состоит из введения, основной части, состоящей из двух глав, заключения и списка используемой литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКА

1.1. Коммуникативное поведение: к определению понятия

Термин «коммуникативное поведение», был введен в научный оборот Иосифом Абрамовичем Стерниным в 1989 году, и изначально оно рассматривалось как комплекс особенностей в общении, присущих определенным национальным группам[35]. Со временем, к началу XXI века, И.А. Стернин расширил границы этого понятия, включив в его рамки как групповые, так и индивидуальные аспекты коммуникативного поведения.

Это понятие сформировалось как сумма устоявшихся традиций и норм, которые регулируют общение людей в рамках определенных групп. Эти группы могут быть различными: объединять людей по национальным, социальным, возрастным, профессиональным и другим признакам.

И.А. Стернин, обогатив исследование коммуникативного поведения новыми аспектами, выделил ключевые направления и задачи для глубокого изучения этого феномена[38]. Прежде всего, он поставил цель - разработать научное представление о коммуникативном поведении как о важной части национальной культуры. Для этого было необходимо сформировать четкий терминологический аппарат, описать методы и приемы изучения данного феномена, а также разработать модель, которая бы отражала особенности коммуникативного поведения представителей различных лингвокультурных общностей.

Кроме того, И.А. Стернин акцентировал внимание на практической значимости таких исследований. Он подчеркивал, что понимание особенностей коммуникативного поведения определенного народа может значительно улучшить процесс обучения иностранному языку. В этом контексте было предложено определить дидактическую ценность исследований коммуникативного поведения, разработать методы и формы, которые бы эффективно использовались при обучении иностранным языкам.

Коммуникативное поведение людей подчиняется определенным

правилам и нормам, что позволяет его анализировать и подразделять на нормативное и ненормативное. Нормы, определяющие коммуникативное поведение, разделяются на четыре категории: общекультурные, групповые, ситуативные, и индивидуальные.

Общекультурные нормы являются отражением принципов вежливости, этикета и общепринятых правил поведения, которые характерны для каждого общества в отдельности. Например, улыбка при встрече является обязательной для американцев и европейцев, в то время как в российской культуре это не является строгим правилом. Эти нормы в значительной степени определяют национальный характер общения.

Ситуативные нормы проявляются в зависимости от конкретной ситуации, где лингвистические особенности играют ключевую роль [38, с. 6]. В то же время коммуникативное поведение может подразделяться на горизонтальное (взаимодействие между равными) и вертикальное (взаимодействие между подчиненным и начальством, старшим и младшим по возрасту и т.п.). Эти типы поведения часто перекликаются и могут меняться в зависимости от национальных особенностей и контекста общения. Например, общение между мужчиной и женщиной в европейских странах может быть классифицировано как горизонтальное, тогда как в мусульманских странах оно чаще всего вертикальное.

Групповые нормы общения отражают специфику общения внутри определенных социальных, профессиональных или возрастных групп. Индивидуальные нормы, в свою очередь, связаны с личностными особенностями каждого человека и его собственной культурой общения. Помимо этого, к коммуникативному поведению примыкает и социально значимое бытовое поведение, которое включает в себя повседневные действия, наделяемые смыслом в рамках данного общества.

Важно учитывать также и символические аспекты коммуникативного поведения, которые могут быть неочевидны, но тем не менее строго соблюдаются. Например, в финской культуре брачный контракт является

нормой, в то время как в российской культуре это может рассматриваться как признак отсутствия доверия и близости между партнерами. Аналогично, в России преподносить букет из четного числа цветов принято только на похороны, что является траурным символом, в то время как в других культурах такое количество цветов в букете не имеет подобной символики.

Символика социального статуса и моды подвержена постоянным изменениям. В российском контексте, если ранее символами достатка были приобретение квартиры, автомобиля, ношение норковых шапок или кожаных пальто, то сегодняшний день характеризуется другими атрибутами. Современные индикаторы благополучия включают владение загородным домом, пользование гаджетами, возможностью путешествовать за границу, а также получение качественного образования для детей. Эти элементы отражают изменения в социальной структуре и ценностях общества.

Для глубокого понимания коммуникативного поведения необходимо также отграничивать его от речевого этикета. Речевой этикет связан с использованием устоявшихся фраз и слов вежливости в определенных социальных контекстах, тогда как коммуникативное поведение охватывает более широкий спектр коммуникативных действий, включая и ненормативную лексику, и общий стиль общения[38, с. 7 – 10].

И. А. Стернин выделил четыре принципа для описания коммуникативного поведения народов, среди которых принцип системности и принцип контрастивности занимают особое место. Принцип системности акцентирует внимание на необходимости комплексного и целостного описания коммуникативного поведения в рамках любой лингвокультурной общности. Это предполагает разработку многоаспектной модели, которая включала бы как вербальное, так и невербальное поведение, а также социальный символизм.

Принцип контрастивности подразумевает сравнение коммуникативного поведения одной культуры с другой. Этот подход позволяет выявить не только общие черты, но и уникальные особенности

каждой культуры, делая акцент на параметрических характеристиках таких как частотность, громкость, интересность и прочие. Контрастивное сравнение может проводиться между двумя культурами или в рамках более широкого лингвокультурного пространства, обеспечивая тем самым глубокое понимание особенностей коммуникативного поведения различных народов.

Так, через системное и контрастивное описание, исследователи стремятся к более полному и всестороннему пониманию того, как люди общаются в различных культурных контекстах, какие символы и знаки используют для выражения своего социального статуса, и как это все влияет на межличностные отношения и взаимопонимание.

В рамках анализа коммуникативного поведения, И. А. Стернин акцентирует внимание на использовании ранжирующего метаязыка. Этот принцип означает применение таких выражений как «обычно», «чаще всего», «как правило», «редко» и других подобных. Такие единицы метаязыка помогают избежать жесткого и недифференцированного ранжирования, что особенно важно, поскольку большинство параметров коммуникативного поведения носит скорее относительный, а не абсолютный характер. Такой подход позволяет исследователям достоверно описать и анализировать тонкие нюансы и изменчивость в коммуникативных практиках.

Другой важный принцип исследования коммуникативного поведения – это разграничение и учет общественной нормы и практики. Не всегда общественная норма совпадает с реальной практикой ее применения. Это особенно заметно в контексте российского общества, где часто наблюдается диссонанс между существующими нормами и их реальным выполнением. Исследователь должен учитывать этот аспект для полного и объективного описания коммуникативного поведения.

Для анализа и описания коммуникативного поведения народов используются разнообразные источники. К ним относятся публицистические материалы, включая путевые заметки и телевизионные передачи,

художественная литература и фольклор, страноведческие и этнографические труды, образовательные материалы, а также данные контрастивной лингвистики и паремиологии. Важными источниками являются также результаты экспериментов и опросов, проведенных среди носителей исследуемой коммуникативной культуры, а также наблюдения за реальными коммуникативными ситуациями.

И. А. Стернин, опираясь на свой богатый опыт в исследованиях, предложил три модели описания коммуникативного поведения народа, учитывая системность, контрастивность, использование ранжирующего метаязыка и разграничение между общественными нормами и практиками. Эти модели представляют собой комплексный подход к изучению и описанию тонких аспектов коммуникативного поведения в различных культурных и социальных контекстах.

Три разнообразные модели, выделенные И. А. Стерниным, направлены на всестороннее описание коммуникативного поведения народов, каждая со своим уникальным акцентом и назначением. Рассмотрим их подробнее.

Ситуативная модель, одна из таких, фокусируется на описании стандартных ситуаций и коммуникативных сфер, в которых происходит общение. Она формируется на основе эмпирических данных и активно используется в практике межкультурного взаимодействия. Эта модель особенно полезна для выявления и анализа расхождений в поведении людей из различных культур. В прикладной сфере, такой подход часто применяется для научно-популярных описаний.

В рамках ситуативной модели выделяются три ключевые области: вербальное поведение, невербальное поведение и социальный символизм [33, с. 8 – 9]. Вербальное поведение включает в себя различные аспекты языкового общения, такие как приветствия, прощания, извинения, поздравления, выражение благодарности, а также различные типы диалогов - от общения с друзьями до диалогов с незнакомыми людьми в различных социальных ситуациях [33, с. 10].

Невербальное поведение охватывает обширный спектр невербальных средств коммуникации: от жестов и мимики до физического контакта, дистанции в общении, места встречи и даже таких элементов, как улыбка или молчание. Эти элементы играют ключевую роль в передаче эмоциональных состояний, таких как радость, горе, одобрение или неодобрение [33, с. 10 – 11].

Социальный символизм в ситуативной модели относится к широкому спектру символов и знаков, которые используются в коммуникации и имеют определенное значение внутри культурного контекста. Это может включать в себя символику одежды, цветов, подарков, манеры речи, внешности и даже такие аспекты, как символика угощения или гигиены [33, с. 11].

И. А. Стернин подчеркивает важность использования этих моделей для детального и систематизированного описания коммуникативного поведения. Каждая из моделей дает уникальный инструментарий для исследователей, позволяя им глубже понять и интерпретировать специфику коммуникации в различных культурных и социальных контекстах.

И.А. Стернин предложил аспектную модель как промежуточный, но важный этап в детализированном исследовании коммуникативного поведения народов, групп или отдельных личностей. Эта модель включает в себя разделение коммуникативного поведения на различные аспекты, такие как вербальные и невербальные, продуктивные и рецептивные, а также нормативные и реактивные. Каждый из этих аспектов подчеркивает определенные сферы общения, где проявляется уникальность национальных или групповых особенностей [33, 36].

В рамках аспектной модели особое внимание уделяется различию между диалогической и монологической формами речи, при этом каждая из них рассматривается через призму нескольких ключевых факторов. К ним относятся фактор адресата, который учитывает тип и количество собеседников, место проведения диалога и другие условия взаимодействия. Содержательно-тематический фактор определяет специфику общения с

разными типами собеседников, например, между взрослыми и детьми.

Коммуникативно-стратегический фактор охватывает различные стратегии общения, такие как стратегии подчинения или использование комплиментов. Прагматический фактор включает в себя анализ стандартных речевых актов в различных ситуациях, таких как начало и завершение разговора, смена темы, и другие нюансы. Дискурсивный фактор описывает общие особенности построения дискурса, включая его эмоциональность, оценочность, категоричность, а также стратегии и тактики диалогического общения. Фактор невербального поведения охватывает жесты, мимику, паузы, физический контакт и другие невербальные средства, которые играют важную роль в коммуникации [33, с. 14– 16].

Аспектная модель выступает как ключевой элемент в системе исследования коммуникативного поведения, обеспечивая необходимую базу для перехода к более детальному параметрическому описанию. Она позволяет исследователям разбираться в сложности и многообразии коммуникативных процессов, предоставляя структурированный и систематизированный подход к анализу общения [37, с. 38].

В рамках исследования коммуникативного поведения, И.А. Стернин разработал параметрическую модель, которая выступает как инструмент для всестороннего анализа коммуникативных процессов различных народов или групп. Основой данной модели являются различные параметры, представляющие собой комплексные характеристики коммуникативного поведения, и они выстраиваются на основе анализа и систематизации коммуникативных признаков.

Ключевым моментом параметрической модели является переход от конкретных коммуникативных признаков, таких как действия или факты, к обобщенным параметрам, и далее к факторам. Это позволяет создать исчерпывающее описание коммуникативного поведения, включающее как вербальные, так и невербальные аспекты, которые взаимодополняют друг друга в рамках определенных коммуникативных параметров [37, с. 38].

Параметрическая модель анализирует различные аспекты коммуникативного поведения через призму множества факторов. К ним относятся контактность, отражающая общительность и эмоциональность субъекта общения, коммуникативная самоподача, включающая аспекты самопрезентации личности, открытость и прямота в общении, приветливость, регулирующая доброжелательность и улыбчивость в процессе общения.

Важным является также соотношение формального и неформального общения, уровень вежливости, проявляемой в различных социальных ситуациях, регулятивность, отражающая стремление к определенным изменениям в поведении собеседника, толерантность, показывающая готовность к компромиссам и способность к критике.

Дополнительно, параметрическая модель учитывает тематическую направленность общения, круг общения и близость к собеседнику, активность жестикуляции, выраженность мимики, громкость и темп речи. Все эти аспекты помогают создать многогранный портрет коммуникативного поведения, позволяя глубже понять специфику общения в различных культурных и социальных контекстах[34, с.18 – 21].

И.А. Стернин в своих работах подчеркнул, что параметрическая модель служит теоретическим фундаментом для детализированного описания коммуникативного поведения народов. Эта модель включает в себя обширный набор параметров, который позволяет исследователям систематизировать и обобщить данные, полученные из наблюдений за коммуникативными ситуациями. В то же время ситуативная модель предоставляет эмпирические данные, которые служат основой для такого обобщения и дальнейшего анализа. Таким образом, ситуативная и параметрическая модели взаимодополняют и усиливают друг друга в процессе исследования.

Ситуативная и аспектная модели используются в исследовательской практике благодаря их наглядности и относительной простоте в применении. Они позволяют собрать материал и выявить черты коммуникативного

поведения в различных ситуациях. Однако параметрическая модель требует более глубокой работы и обработки большого объема данных для достижения высокого уровня обобщения и систематизации информации. Это делает ее более сложной в использовании, но в то же время она предоставляет более широкие возможности для анализа и понимания общих закономерностей коммуникативного поведения [33, с. 8 – 9].

Обычно понятие коммуникативного поведения тесно связано с менталитетом и национальным характером общностей. В начале XX века, менталитет был впервые определен в историко-психологических исследованиях как комплекс психологических особенностей, характерных для определенной социальной группы. Эта «ментальная оснастка», как отмечает Сикевич, формируется в процессе воспитания и тесно связана с этнической культурой каждого народа, что делает менталитет важным социокультурным феноменом [27, с. 146].

Современные исследования рассматривают менталитет как своего рода фильтр, через который индивиды и социальные группы воспринимают и обрабатывают события окружающего мира. В этом процессе события «перевариваются» и воспринимаются через призму особенностей менталитета, что приводит к формированию соответствующего отношения к реальности и действительности жизни каждого этнического сообщества. Национальное самосознание является более стабильным элементом, в то время как менталитет подвержен изменениям, особенно в условиях социальных кризисов, таких как переход от тоталитаризма к демократии. Изменения менталитета могут происходить медленно и часто сопровождаются значительными внутренними конфликтами, как это было, например, в России в 20 веке [27, с. 146 – 147].

Определение менталитета в настоящее время широко используется, но оно остается достаточно расплывчатым. В общем, под менталитетом понимается комплекс установок, образ мышления, психологический склад ума и особенности восприятия и поведения, которые складываются в

процессе воспитания и находятся под сильным влиянием окружающей культуры [36, с. 1]. Современные социологи видят в менталитете особое социально-психологическое ядро самосознания любой общности, обеспечивающее единообразное восприятие и оценку социальной действительности и подталкивающее к действиям в соответствии с принятыми нормами и поведенческими паттернами. Социальные кризисы оказывают влияние на менталитет, вызывая изменения в «картине мира» общества и индивидуумов. Эти изменения часто происходят медленно и болезненно, затрагивая глубинные слои психики социальных групп [27, с. 146].

Ментальность является ключевым элементом культуры и выражается через язык, формируя вместе с культурной реальностью единое смысловое пространство [21, с. 20].

Это понятие представляет собой комплексную информационную систему, обладающую саморегулирующимися свойствами и способностью воспринимать, понимать, оценивать, хранить, преобразовывать, создавать и передавать информацию [21, с. 44].

Хотя менталитет иногда смешивается с такими понятиями, как национальная психология и национальный характер, важно понимать его уникальные характеристики [36, с. 1].

Менталитет характеризует как общенациональный способ восприятия и понимания действительности, так и специфические взгляды различных социальных групп. Например, различные культуры могут по-разному интерпретировать одни и те же факты, что свидетельствует о наличии уникального национального способа восприятия действительности, проистекающего из культурных и когнитивных стереотипов.

Способ, которым различные нации интерпретируют определенные аспекты жизни, может существенно отличаться. К примеру, в американской культуре богатство может ассоциироваться с умом и успешностью, тогда как в российской культуре богатство может вызывать подозрения или

ассоциироваться с нечестными способами его достижения. Эти различия являются прямым отражением национального менталитета, определяющего уникальный способ восприятия и понимания окружающего мира.

По мнению И. А. Стернина, менталитет отличается от национальной психологии тем, что он преимущественно связан с логическими, концептуальными и когнитивными аспектами сознательной деятельности, в то время как национальная психология больше сосредоточена на эмоциональном и психическом складе народа. Оба эти явления находят свое выражение в типичных поведенческих реакциях в ситуациях, отражая глубинные особенности восприятия и реагирования на внешний мир [36, с. 2].

Определение национального характера представляет собой сложную задачу, учитывая его многогранность и глубину. Этот термин охватывает не индивидуальные особенности, а характеристики целой этнической группы, сформированные общим языком, символикой, традициями и культурным наследием [27, с. 108 – 109].

На формирование национального характера оказывает влияние широкий спектр факторов, включая исторические, географические, политические и социально-экономические условия, каждый из которых добавляет сложности в его понимание [37, с. 40].

На протяжении поколений в каждой этнической группе формируются определенные психологические стереотипы и характерологические черты, которые отражаются в поведении и мировосприятии народа. Эти черты невозможно приписать исключительно одному народу, так как многие из них могут пересекаться между различными группами, различаясь лишь формой и степенью проявления. Изменения в национальном характере происходят, но они обычно медленные и их трудно уловить в краткосрочной перспективе [27, с. 108 – 109].

Национальный характер проявляется во множестве аспектов жизни общества, начиная от национальных обычаев и заканчивая языком,

искусством и фольклором. Взаимодействие этих элементов формирует уникальную сущность национального характера, который также находится под влиянием климатических условий, отражая различия между народами, живущими в разных климатических зонах. Религия также играет значительную роль в формировании национального характера, оказывая влияние на моральные ценности, традиции и образ жизни [4, с. 2– 3].

Люди усваивают нормы социального поведения и общепринятые правила через процесс социализации, который в значительной мере опирается на вербальное общение. В ходе речевых взаимодействий происходит укрепление социально одобряемых форм поведения, обучение методам достижения желаемых результатов и способов самовыражения. Вербальное коммуникативное поведение играет ключевую роль в передаче знаний о мироустройстве и социальной структуре [17, с. 146].

В структуре вербальной коммуникации различают разные стили взаимодействия, каждый из которых отражает определенные аспекты культуры и мировоззрения. Обычно стили коммуникации классифицируют на основе четырех основных измерений: прямого и непрямого, вычурного и точного, личностного и ситуативного, а также инструментального и аффективного [17, с.146].

Прямой стиль характеризуется открытым выражением мыслей и чувств, в то время как не прямой стиль скрывает истинные намерения и часто использует обтекаемые формулировки [17, с. 147].

В индивидуалистических культурах, таких как Финляндия, преобладает прямой стиль, в то время как в коллективистских культурах, например, в России, более распространен не прямой стиль общения [17, с. 153].

Личностный стиль коммуникации преобладает в индивидуалистических культурах, где важен индивидуальный подход и выражение личности, в то время как ситуативный стиль характерен для коллективистских культур, где большее значение придают социальным

ролям. Инструментальный стиль направлен на достижение определенной цели разговора и фокусируется на говорящем, тогда как аффективный стиль больше ориентирован на слушающего и эмоциональную окраску беседы [17, с. 156].

Вербальный стиль взаимодействия несет в себе глубокие философские и моральные основания культуры, формируя специфическую «картину мира», которую члены общества усваивают через коммуникацию. Освоение стиля вербального взаимодействия превосходит простое знание языка, поскольку оно проникает и в другие языки, с которыми человек может столкнуться. Это явление показывает уникальность и глубину вербального коммуникативного поведения как инструмента передачи культурных ценностей и норм [17, с. 158].

В изучении коммуникативного поведения особое место занимает невербальное коммуникативное поведение, требующее глубокого понимания его структуры, видов и механизмов проявления. Для всестороннего анализа невербального поведения любого народа необходимы как четкие теоретические представления о его аспектах, так и разработка системной модели его описания [34, с. 14].

Невербальное коммуникативное поведение включает в себя многообразие сигналов, которые можно классифицировать как симптомы, символы и знаки, по определению И. А. Стернина. Симптомы представляют собой невербальные явления, такие как мимические движения, которые осуществляются человеком большей частью бессознательно и отражают его внутреннее психическое или физическое состояние. Эти явления часто связаны с культурными особенностями и могут отображать эмоциональные реакции, такие как страх, радость или удовольствие.

Символы, с другой стороны, представляют собой проявления социального символизма, придающего определенные культурные значения предметам или действиям. Они могут не участвовать напрямую в коммуникации, но играют значимую роль в обмене информацией между

людьми, нередко отражая национальную специфику.

Знаки или невербальные сигналы, в отличие от симптомов, обычно сознательно используются людьми для передачи определенных сообщений. Это могут быть жесты, мимика, позы, организация пространства (проксемика) и даже молчание, каждый из которых имеет определенное значение и интерпретацию в рамках данной культуры[34, с. 14– 15].

1.2. Специфика русского коммуникативного поведения

Русское коммуникативное поведение имеет свои уникальные особенности, которые выделяют его среди других культур. Одной из заметных черт является высокая степень общительности русских людей. Они открыты к обсуждению самых разных тем – от серьезных политических вопросов до обсуждения популярных телешоу. Это говорит о широком кругозоре и желании делиться мнениями и впечатлениями. Русские говорят громко и эмоционально, иногда это может сбивать с толку окружающих, не знакомых с таким стилем общения. Это явление связано с высокой степенью эмоциональной открытости и желанием делиться своими чувствами. Подарки играют важную роль в русском коммуникативном поведении - они являются выражением внимания и заботы [24, с. 20 – 25].

Гостеприимство также является выразительной чертой русского народа. Русские стремятся создать для гостей атмосферу уюта и комфорта, даже если это требует значительных личных жертв. Это свидетельствует о глубоком уважении к гостям и желании показать лучшее, что есть в доме и в душе. Эмоциональность и выразительность в общении также характеризуют русских, что делает их общение живым и насыщенным[24, с. 42].

Общинность, или соборность, традиционно считается национальным приоритетом в России. Идея равенства и взаимопомощи глубоко укоренена в национальном менталитете. Это проявляется в стремлении к коллективизму, где люди готовы рассказать о личном даже незнакомому человеку в поезде или за общим столом в кафе. Русские ценят сообщество и готовы поддержать

друг друга в трудных ситуациях. Также в обществе присутствует идея артельности как стиля жизни, включающая стремление к равенству и справедливости.

Религия играет значимую роль в формировании менталитета русских людей, особенно православие с его акцентом на смирение как высшую добродетель и осуждение гордыни как основного греха. При этом в российской культурной традиции не было сильно развито понятие политических прав личности, и идея прав человека не получила широкого распространения, как это было в некоторых других странах. Русские философы не акцентировали внимание на таком аспекте [36, с. 2– 11].

В быту русские люди часто ориентируются на мнение соседей, что отражает их взаимодействие с окружающими – либо как с родственниками, либо как с врагами. Это говорит о значимости общественного мнения и настойчивом стремлении к гармоничному сосуществованию с окружающими. Русские высоко ценят семейные узы и преданы своим детям, готовы жертвовать своими интересами ради будущего своего потомства, подчеркивая важность семейных ценностей и наследия.

Любовь к праздникам и застольям также является отличительной чертой русского характера. Русские готовы отмечать и праздновать любое событие, что создает атмосферу общности и радости. Особенно это заметно теперь, когда к традиционным советским праздникам добавились религиозные даты, такие как Рождество и Пасха. Доверчивость и открытость русских людей часто проявляются в повседневных ситуациях, например, на вокзалах и в других общественных местах, где они готовы доверить свои вещи почти незнакомым людям [36, с. 2-11].

Соборность, выражающаяся через общинность и коллективность, имеет и позитивные, и негативные стороны, создавая систему взаимопомощи и обеспечения, но одновременно и нарушая личную независимость, порождая зависть и стремление к перераспределению богатств. Это ведет к формированию зависимости и склонности к «обломовщине».

Изучение русской классики даёт возможность выявить множество характерных черт русского народа: бескорыстие, доброта, милосердие, сострадание и гостеприимство, любовь к пространству. Русские склонны к крайностям во всём, отличаются импульсивностью и страстностью. Они предпочитают действовать единодушно, под влиянием общего мнения или авторитетов, что говорит о высоком уровне коллективизма в мировосприятии и поведении.

Русский национальный характер сложен и многогранен, и его часто характеризуют через призму отдельных уникальных черт. Одна из ключевых – это принцип «авось», отражающий надежду на то, что все проблемы разрешатся сами собой. Этот менталитет предполагает отложение решения проблемы на будущее, в надежде на благоприятный исход без активных действий. Эта черта связана с русской философией мгновенного наслаждения и неуверенности в завтрашнем дне.

Следует также отметить специфическое отношение русских к труду. Работа для многих не является главным источником благосостояния и успеха. Распространенные выражения, такие как «работа не волк, в лес не убежит» и «работа дураков любит», отражают этот менталитет. В то же время русские люди склонны к мечтательности и ожиданию, что кто-то из власти решит их проблемы и улучшит жизнь [36, с. 2– 11].

Исследователи и философы, такие как Вьюнов, долго задавались вопросом о сущности русской души и особенностях национального характера. Несмотря на кажущееся единство народа, суровый климат, обширность территории и исторические вызовы часто приводили к тому, что личные интересы уступали государственным. В таких условиях формировалась особенная склонность к коллективизму и соборности [4, с. 1– 3].

Русский народ обладает множеством позитивных качеств, включая находчивость, остроумие и артистизм, а русский язык отличается красотой и богатством выразительных средств. Тем не менее, существуют и недостатки,

такие как противоречивость, неорганизованность, склонность к крайностям и избегание компромиссов. Эти черты делают русский характер особенно выразительным и сложным для понимания [4, с. 3– 7].

Так, русский народ одновременно способен вызывать как сильное восхищение, так и глубокое разочарование, обладая широким спектром эмоций и вариантов поведения. Это сочетание добрых и милосердных качеств с крайностями и неорганизованностью создает уникальный образ русского национального характера, отличающий его от других народов [4, с.9– 11].

1.3. Коммуникативные стратегии и тактики

Анализ коммуникативных приемов и стратегий представляет собой ключевую задачу в рамках новой области знаний, которую уместно обозначить как науку о речевом воздействии [32]. Такая наука охватывает изучение способов, при помощи которых речь влияет на аудиторию, особенно в контексте координативных отношений. В этих отношениях, как отметили исследователи, часто присутствует элемент субординации, который может быть как формальным, так и неформальным.

Особенно важно изучение речевого воздействия в сферах, где оно призвано регулировать действия других людей. Эти люди, хоть и обладают определенной степенью свободы в выборе своих действий, часто действуют в соответствии со своими потребностями и предпочтениями. Такой тип речевого воздействия, наблюдается в массовых медиа и агитационных выступлениях, где оратор обращается непосредственно к аудитории [11, с. 23].

Значение этих исследований велико для понимания речевого портрета человека. Они позволяют осмыслить, как коммуникативно-прагматические и логико-аргументативные компетенции, а также тактико-стратегические подходы личности проявляются через умение выбирать наиболее подходящие коммуникативные тактики и стратегии. Эти выборы

обусловлены авторскими целями и характером прагматической ситуации.

В рамках изучения концепции «речевой (коммуникативной) стратегии», И. Н. Борисова делает упор на то, что данная стратегия представляет собой результат организации речи говорящего, основанный на его прагматических намерениях и целях. Исследователь трактует коммуникативную стратегию как широкое понятие, включающее в себя общую цель или задачу, которая определяется практическими намерениями создателя сообщения.

И. Н. Борисова подчеркивает, что важной частью коммуникативной стратегии является выбор и презентация информации в определенном контексте, что влияет на структурирование речи и применение языковых средств. Она также указывает на значимость взаимоотношений между реальностью, текстом и адресатом при формировании коммуникативной стратегии. И. Н. Борисова разделяет точку зрения Зернецкого, описывающего коммуникативную стратегию как процесс творческой реализации плана построения речевого поведения для достижения общей коммуникативной задачи.

И. Н. Борисова различает также осознанные и подсознательные коммуникативные стратегии. Осознанные стратегии связаны с намерением высказывания и его реализацией в речи, ориентированы на достижение конкретных практических целей, как правило, в регулятивных диалогах. Подсознательные стратегии, в свою очередь, не связаны с предварительно продуманным планом и чаще всего отражают психологическое состояние говорящего.

И. В. Труфанова обсуждает синонимичность терминов «иллокутивный компонент» [2] и «коммуникативная стратегия» [1]. Она соглашается с Вежбицкой в том, что подсознательная коммуникативная стратегия соответствует «иллокутивному компоненту», который является более базовым понятием по сравнению с «актом» в структуре речевого общения.

В своей работе «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи»,

О. С. Иссерс детально рассматривает концепцию речевых стратегий. Эти стратегии она определяет как целенаправленные комплексы речевых действий, нацеленные на достижение определённых коммуникативных целей. Иссерс делит их на две основные категории: общие и частные стратегии [11, с. 54].

Общие стратегии в этом контексте служат для воздействия на адресата на более широком уровне. Они могут быть основными, то есть играющими ключевую роль в определении мотивов и целей в рамках коммуникативного процесса. Также в эту группу входят вспомогательные стратегии, которые помогают упорядочивать диалог и улучшать взаимодействие с адресатом. К вспомогательным стратегиям Иссерс относит:

- прагматические стратегии, которые включают в себя все ключевые аспекты коммуникативной ситуации;
- диалоговые стратегии, направленные на контроль за ходом беседы, инициативой и пониманием в процессе общения;
- риторические стратегии, предназначенные для привлечения внимания и придания драматизма коммуникации [11, с. 106-107].

Частные стратегии, в отличие от общих, применяются в более узких и специфических контекстах. Они характеризуются как стратегии, используемые в конкретных разговорах с конкретными целями. Таким образом, они представляют собой более точечный подход к коммуникации, адаптированный к специфическим условиям и задачам [11, с. 108].

А. К. Михальская в своей работе представила инновационный подход к классификации коммуникативных стратегий, основываясь на принципах, отличных от традиционных. Она выделяет такие ключевые стратегии, как стратегия близости, стратегия отказа от выбора и стратегия отстранения. Эти стратегии отражают разнообразие подходов к коммуникации.

Важно отметить, что выбор коммуникативной стратегии зависит от ряда факторов:

- особенностей речевой ситуации: участников общения, их

взаимоотношения, тема диалога;

- личностных и индивидуальных характеристик говорящего;
- психофизиологических особенностей, включая темперамент и характер;
- особенностей речевой традиции социальной группы и семьи, в которой вырос человек;
- национальных речевых традиций [20, с. 136].

Переходя к понятию коммуникативной (речевой) тактики, стоит обратить внимание на работы И.Н. Борисовой. Она рассматривает коммуникативную тактику в контексте диалога. И.Н.Борисова определяет тактику общения как динамическое использование коммуникантами речевых умений для построения реплик в диалоге, что способствует формированию определённой стратегии ведения диалога. Этот подход подчеркивает активное и целенаправленное использование речевых навыков в процессе общения [1, с. 23].

Исследователь А. П. Сковородников в своих работах делает акцент на взаимосвязи понятий «речевая (коммуникативная) стратегия» и «речевая (коммуникативная) тактика», рассматривая их как единое целое, где тактика является частью стратегии. В своем анализе, он согласуется с мнением Т. В. Матвеевой, которая интерпретирует эту связь как отношение вида к роду, подчеркивая их системное взаимодействие.

Сковородников подробно разъясняет, что под «речевой (коммуникативной) стратегией» следует понимать общий план или направление речевого поведения. Этот план определяется на основе анализа коммуникативной ситуации в целом и направлен на достижение конечной коммуникативной цели. Для этого используется система продуманных поэтапных речевых действий. Важным аспектом здесь является то, что каждая коммуникативная стратегия включает в себя ряд речевых тактик, которые помогают достигать коммуникативной цели в рамках конкретного общения [28, с. 6].

И. В. Труфанова, анализируя разнообразные подходы лингвистов к понятию речевой тактики, предлагает свою интерпретацию. По ее мнению, тактика является ключевым элементом в реализации выбранной коммуникативной стратегии и разворачивании конкретного жанра. Труфанова описывает тактику как речевое действие, представляющее собой минимальную единицу в членении речевого потока. В то же время, она акцентирует внимание на роли тактики как средства для выполнения коммуникативной стратегии, подчеркивая, что в разных контекстах тактика может приобретать различные терминологические значения. Так, имена речевых тактик могут описываться как «речевые поступки» или клише, которые способствуют реализации стратегии в коммуникативном процессе [41, с. 60–61].

О. С. Иссерс в своих работах кратко и ёмко определяет речевую тактику, описывая её как одно или несколько действий, которые способствуют реализации общей стратегии. Иссерс также вносит важный вклад в понимание концепции коммуникативного хода. Она рассматривает коммуникативный ход как минимальную стратегическую единицу, которая связывает реплику говорящего с ответом слушающего. Эта связь осуществляется на основе иллокутивного вынуждения, учитывая предшествующие речевые действия и предполагаемую реакцию собеседника [11, с. 56–57].

Рассматривая понятие речевой (коммуникативной) тактики в более широком контексте, можно увидеть его связь с рядом ключевых лингвистических концепций. Так, речевая тактика является одним из формирующих элементов речевого жанра и совпадает с речевым актом в рамках этого жанра. Она также функционирует как прием в реализации общей стратегии общения.

И. В. Труфанова в своем исследовании указывает на отсутствие жесткого соответствия между стратегиями и тактиками в рамках одного жанра. Она подчеркивает, что выбор конкретных стратегий и тактик зависит

от типов языковых личностей участников общения. Эту идею поддерживают и другие исследователи, например, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, а также А. Вежбицкая, которая утверждает, что выбор тактик (или «иллокутивных компонентов») тесно связан с национально-культурными особенностями поведения человека в типичных для человечества ситуациях [41, с. 62].

Т. А. ван Дейк, голландский ученый, в своем анализе стратегий коммуникации, обращает внимание на различные ходы, которые используются в процессе общения. Он выделяет шесть ключевых ходов, каждый из которых имеет свою специфику и применяется в определенных контекстах.

Первый ход, «обобщение», применяется для демонстрации того, что представленная информация не является исключением. Типичные выражения для этого хода включают фразы вроде «Это постоянно происходит» или «Всегда так случается». Этот ход помогает подчеркнуть универсальность или регулярность ситуации.

Второй ход, «приведение примера», используется для подтверждения общего мнения с помощью конкретных фактов. Выражения типа «Например, вот что произошло на прошлой неделе» являются характерными для этого хода.

Третий ход, «усиление», направлен на повышение внимания слушателя и улучшение структуры представления информации. Фразы вроде «Это неприемлемо, что...» или «Это абсолютно недопустимо» часто используются в этом контексте.

Четвертый ход, «уступка», позволяет говорящему делать обобщения, даже если приводятся противоречивые примеры, и демонстрировать терпимость или сочувствие. Примеры таких выражений включают «Среди них есть и достойные люди» или «Конечно, не все так, но...».

Пятый ход, «сдвиг», часто используется в стратегии положительной самопрезентации, когда говорящий стремится представить себя в лучшем

свете. Фразы типа «Лично мне все равно, но другие возмущены» являются примерами этого хода.

Шестой ход, «контраст», привлекает внимание к противоположностям, как логическим, так и качественным. Типичными примерами могут служить выражения вроде «Мы много лет трудились, в отличие от тех, кто просто получает пособие» [7].

Исследователи подходят к группировке коммуникативных стратегий разнообразно, в зависимости от специфики научных направлений, в рамках которых изучается этот многогранный феномен [22, с. 27– 30]. Отдельные аспекты коммуникативных стратегий анализируются в разных областях науки, что приводит к образованию различных подходов в их классификации.

Что касается номинации тактик, то здесь часто используются отглагольные существительные, которые точно отражают интенцию, лежащую в основе тактики. Примеры включают тактику угрозы, просьбы, извинения и т.п., где каждое наименование указывает на конкретное намерение, которое реализуется через данную тактику [16].

В контексте политической коммуникации особенно заметно использование воздействующей функции языка, которая реализуется с помощью речевых стратегий. Это подчеркивает значимость стратегического подхода в управлении коммуникацией [23, с. 18].

Различные исследователи, такие как Елена Шейгал, предлагают классификации речевых стратегий, используемых в политическом дискурсе. К ним, например, относятся:

Стратегия вуалирования и затушевывания нежелательной информации. Эта стратегия направлена на то, чтобы представить негативные для политика факты в более мягком свете, сделав их менее значимыми или вообще скрыв их, дополняя сообщение информацией, которая лучше соответствует коммуникативным задачам.

Стратегия мистификации. Здесь цель – ввести собеседника или

аудиторию в заблуждение, утаить реальные факты или истинные мотивы, создавая иллюзию иной реальности.

Стратегия анонимности. Этот прием используется для ухода от личной ответственности за происходящее, особенно если ситуация оценивается как негативная. Так, употребление безличных конструкций типа «так получилось», «ситуация сложилась таким образом» позволяет создать впечатление, что проблемы возникли сами собой, и ни один конкретный индивидум не несёт за них ответственности [44, с. 58].

О.Л. Михалева предлагает следующую классификацию стратегий и тактик:

Стратегия на понижение. Используя тактики анализ-«минус», тактики обвинения, обличения, оскорбления и угрозы, достигается главная цель стратегии – дискредитация политического оппонента.

Стратегия на повышение. Эта стратегия направлена на то, чтобы повысить свою значимость, сформировать положительное отношение к себе в глазах избирателя. Используются тактики анализ-«плюс», тактики самопрезентации и отвода критики

Стратегия театральности. Наиболее очевидное место применения этой стратегии – политические дебаты. Целью является не влияние на картину мира политического оппонента, а воздействие на потенциального избирателя. Стратегия отличается высокой зрелищностью, эмоциональностью и достигается следующими тактиками: тактика побуждения, размежевания, обещания. [19]

В своей работе «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» Оксана Иссерс, доктор филологических наук, выделяет несколько ключевых стратегий, которые играют важную роль в речевом общении. Эти стратегии включают методы самопрезентации, семантические, аргументативные, дискредитации, манипулятивные стратегии, а также стратегии, связанные с речевыми действиями.

Когда мы обращаемся к термину «стратегия» в контексте

коммуникативных процессов, мы имеем в виду определенную направленность речевого поведения, которая выбирается в соответствии с целями коммуникации в конкретной ситуации.

Также стоит отметить, что в лингвистических исследованиях отсутствует строгое терминологическое единство в описании коммуникативных стратегий и тактик. Термины «коммуникативная стратегия» и «речевая стратегия» часто используются как взаимозаменяемые.

В заключение, стратегия, понимаемая как общая модель речевого поведения, находит свое воплощение в конкретных вербальных формах – речевых тактиках. Эти тактики являются инструментами, через которые стратегия реализуется в процессе общения.

Выводы:

В данной главе мы рассмотрели понятие «коммуникативное поведение» согласно концепции И. А. Стернина, а также его значение и влияние в речевом взаимодействии. Были изучены принципы описания коммуникативного поведения, в частности, принцип системности и контрастивности.

Мы затронули понятия «менталитет» и «национальный характер», определили их значение для коммуникативного поведения, а также рассмотрели вербальное и невербальное коммуникативное поведение. После этого стало возможным выявить особенности русского коммуникативного поведения. Оно характеризуется высокой степенью приветливости, улыбочивости и жизнерадостности в общении. Русские проявляют доминантность в общении, искренность и эмоциональность. Они предпочитают активные беседы, не терпят пауз в разговоре, и готовы поднимать в повседневном общении важные вопросы, включая политические темы. Русская мимика и жестикация интенсивные и разнообразные.

Также, в ходе проведенного анализа было установлено, что концепция

коммуникативных стратегий и тактик разнообразна в работах современных исследователей. Эти понятия группируются в зависимости от того, какие аспекты данного многогранного явления изучаются в различных научных областях.

Коммуникативные стратегии и тактики выступают в роли ключевых компонентов в области речевого воздействия — новой, интегрированной науки, посвященной эффективному общению.

В рамках политического дискурса имеются собственные классификации коммуникативных стратегий и тактик, которые политики используют для достижения своих политических целей (самопрезентация, дискредитация и др.). Выбор политических стратегий и тактик играет важную роль в процессе общения, поскольку напрямую влияет на результат коммуникации.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК С.В. ЛАВРОВА

2.1. Становление С.В. Лаврова как дипломата

Сергей Викторович Лавров занимает ключевую роль в российской дипломатии, будучи министром международных дел с 2004 года. Его путь на этот пост начался во время работы в правительствах Михаила Фрадкова с 2004 по 2007 год, Виктора Зубкова с 2007 по 2008 год и продолжился под руководством Владимира Путина с мая 2008 года. Лавров, имея значительный опыт на международной арене, представлял Российскую Федерацию в таких организациях, как ООН, где с 1994 по 2004 год он входил в состав Комитета безопасности.

Его карьера в Министерстве иностранных дел началась в 1972 году, сначала в СССР, а затем и в Российской Федерации. В 2006 году Лавров вошёл в Национальный антитеррористический комитет России, а также занял пост председателя совета министров Комитета Европы на полгода. Кроме того, он является членом Совета безопасности России и признанным дипломатом.

Лавров получил образование в МГИМО на восточном отделении факультета международных отношений, где изучал сингальский язык, преобладающий на острове Цейлон и схожий с мальдивским языком дивехи. Он также овладел английским и французским языками, хотя сам считает, что не владеет ими свободно. После окончания учебы в 1972 году Лавров был направлен в Шри-Ланку на должность старшего секретаря. В тот период Советский Союз активно развивал экономические и торговые связи со Шри-Ланкой, в том числе через строительство каучуковых и металлургических заводов, и укреплял отношения с Мальдивской Республикой через свое посольство в Шри-Ланке.

Сергей Лавров, возвратившись в Москву в 1976 году, продолжил свою профессиональную деятельность в Министерстве иностранных дел СССР. Начиная с должностей третьего и второго помощника в отделе

международных экономических связей, он активно участвовал в аналитической работе и был вовлечен в работу с многочисленными международными делегациями, включая взаимодействие с ООН. К 1981 году его карьера продвинулась, и он был назначен в советское постоянное представительство при ООН, где прошел путь от первого помощника до консультанта и старшего консультанта.

На начало 2012 года Лавров сосредоточил внимание на своих внешнеполитических достижениях, в частности, подчеркнул свою роль в создании Евразийской экономической комиссии. Этот орган стал важным этапом на пути к формированию Евразийского экономического союза, запланированного на 2016 год и инициированного Россией в партнерстве с Казахстаном и Белоруссией. Лавров также выразил свое мнение по поводу ситуации на Ближнем Востоке, особенно касательно «арабских революций», отмечая риск последующего насилия.

В контексте событий в Сирии Лавров уделял особое внимание вопросам вооруженного конфликта. Он выражал поддержку усилиям наблюдательной миссии Лиги арабских государств, направленной на урегулирование ситуации. Лавров отмечал, что в Сирию поступало оружие для боевиков и экстремистов, которые использовали протестные движения для попыток силового захвата власти. Также он обращал внимание на отправку гуманитарных конвоев в страну, рассматривая это как часть усилий по изменению власти.

За многолетнюю и плодотворную работу в сфере внешней политики Российской Федерации Сергей Лавров был удостоен ряда высоких государственных наград. Среди них орден Почета и награды с глубоким историческим значением, включая орден Преподобного Сергия Радонежского II степени и орден Святого благоверного князя Даниила Московского.

Сергей Лавров, отмеченный за свой значительный вклад в государственную политику и эффективность своей работы, получил

высокие награды в течение своей карьеры. В 1998 году, при президентстве Бориса Ельцина, он был удостоен ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Это награждение стало официальным признанием его вклада в развитие государственной политики России.

Продолжая свою успешную карьеру, Лавров был отмечен еще одной значительной наградой в 2005 году. В честь его 55-летия президент Владимир Путин вручил ему орден «За заслуги перед Отечеством» III степени. Это награждение подчеркивало не только долголетнюю и плодотворную работу Лаврова на посту министра иностранных дел, но и его весомый вклад в формирование и реализацию внешнеполитической стратегии России. Эти награды являются свидетельством высокой оценки его профессиональной деятельности на государственном уровне.

2.2. Политические коммуникативные стратегии и тактики С.В. Лаврова

Рассмотрим публичные выступления С.В. Лаврова и проанализируем, как в его речи проявляются коммуникативные стратегии и какие тактики для их достижения он использует.

1. Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова телеканалу «Би-Би-Си», Санкт-Петербург, 16 июня 2022 года.

«Вопрос: Перед тем как Президент В.В.Путин принял решение и объявил о начале специальной военной операции, как он её называет, он посоветовался с Вами, стоит ли это делать?»

С.В.Лавров: **Механизм принятия решений существует в каждом государстве.** В данном случае механизм, который сложился в Российской Федерации, был полностью задействован.

Вопрос: Он посоветовался с Вами?

С.В.Лавров: **Еще раз объясняю: что есть вещи, о которых публично не говорим. Существует механизм принятия решений.** Он был полностью

соблюден.

Вопрос: Спрашиваю, потому что Вы Министр иностранных дел 18 лет и вторжение в соседнее суверенное государство это – иностранное дело. Президент, наверное, предполагал, что будут международные последствия. Я думал, что он с Вами посоветуется.

С.В.Лавров: **Вы опытный журналист, хорошо знакомы с реалиями в России**, вокруг России и на постсоветском пространстве. В Вашем вопросе звучит желание «отменить всё» («cancelculture»), что было до 24 февраля с.г. Все восемь лет с участием наших специальных служб, Министерства иностранных дел, Министерства обороны **мы продвигали необходимость выполнить Минские договоренности**, единогласно одобренные Советом Безопасности ООН.» [56]

Вначале мы видим стратегию вуалирования и затушевывания информации с помощью тактики ухода от вопроса. Информационно-интерпретационная стратегия здесь достигается с помощью тактики разъяснения. Лавров даёт понять интервьюеру, что не на все вопросы он будет отвечать. Также мы видим проявление стратегии самопрезентации за счёт тактики учёта ценностных ориентиров адресата (политик подчёркивает профессионализм журналиста).

«Вопрос: Почему Вы считаете, что НАТО – угроза? Почему в России часто говорят, что пять волн расширения НАТО.

С.В.Лавров: Считаю, что **НАТО – это угроза, потому что давно и плотно дружим с нашими друзьями в Сербии**. Они нам сообщали, что такое Североатлантический альянс. В Афганистане те афганцы, с которыми поддерживаем отношения (практически из всех этнических групп), тоже нам рассказывают, что такое альянс и как он бомбил свадебные церемонии. Просто потому, что они подумали: зачем какие-то люди собрались вместе. Надо их разбомбить на всякий случай.

Я Вам объясняю, почему НАТО – это угроза. Поговорите с гражданами Ирака, Ливии, у которых страну разрушали до основания. После этого НАТО объявляет себя по-прежнему оборонительным альянсом. Нам говорят, чтобы мы не волновались, вступление Украины в НАТО (нам так говорили) не будет создавать угрозы для Российской Федерации. При всём уважении к нашим коллегам из Североатлантического альянса, Россия имеет право сама решать, что является для неё угрозой её безопасности, а что нет» [56].

В этом отрезке прослеживается стратегия дискредитации и нападения, используются тактики обвинения НАТО, она действует вместе с аргументативной стратегией, проявившейся в тактике обоснованных оценок. Путём приведения негативного опыта других стран, происходит развенчание претензий НАТО на то, чтобы являться оборонительным альянсом.

2. Теперь проанализируем Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе 21-го Дохийского форума, 10 декабря 2023 года.

«Вопрос: Я хотел бы начать с вопроса про войну в секторе Газа. За два месяца там погибло более 17 000 человек. Усилия по прекращению огня ни к чему не привели, потому что США воспользовались правом вето в Совете Безопасности ООН. Есть ли надежда, что в ближайшем будущем дипломатия сможет поспособствовать окончанию конфликта?»

С.В.Лавров: Всегда есть надежда на дипломатию. **Именно ее мы и пытаемся продвигать с начала нынешней волны насилия.**

Решительно осудили террористическую атаку против Израиля 7 октября с.г., как осуждаем любое террористическое действие. В то же время не считаем приемлемым использовать этот случай для коллективного наказания миллионов палестинцев путем беспорядочного обстрела

гражданских кварталов. Вы упомянули число жертв. Оно растет день ото дня. Больше всего страдают дети и женщины. Последствия происходящего мы можем видеть на вашем и других телеканалах каждый час.»[45]

Ответ на вопрос в этом отрезке выявляет информационно-интерпретационную стратегию, которая достигается с помощью тактики акцентирования положительной информации. Также в стратегии самопрезентации здесь используется тактика солидаризации.

«Вскоре после начала трагедии, **мы внесли** в Совет Безопасности ООН проект резолюции с призывом к немедленному прекращению огня. **Она была заблокирована Соединенными Штатами.** Бразилия внесла другую резолюцию. Она также была заблокирована американцами. Затем Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, которая была слабее той, что мы предлагали в Совете Безопасности. Она предусматривала не гуманитарное перемирие, а только паузу. Но даже это было **неприемлемо для американцев** и других западных стран. **Они не поддержали** эту резолюцию.

В итоге они созвали Совет Безопасности для принятия резолюции, которая призывала (но не требовала) к гуманитарной паузе. Эта резолюция лучше, чем ничего. Но даже при этом слабом призыве **мы не видим, как это реализуется.** Для этого нам **нужен какой-то мониторинг на местах.** Возможно, Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) могло бы сыграть эту роль. **Мы обратились** к Генеральному секретарю ООН, предложив ему использовать свои полномочия для рассмотрения вопроса о возможном мониторинге. Пока безрезультатно.

Но это не значит, что все должны прекратить попытки. **Мы должны сделать все, что в наших силах,** чтобы продолжить политическое давление с целью достижения гуманитарного перемирия»[45].

Лавров продолжает использовать тактику акцентирования положительной информации, добавляется тактика указания на решение проблемы. Изложение фактов бездействия США показывает пример стратегии дискредитации и нападения с помощью тактики обвинения.

Далее прослеживается манипулятивная стратегия - Лавров оставляет право делать собственные выводы за другими странами, но из контекста понятно, какое суждение является верным и позже это становится ясно:

«Вопрос: Право вето, которым воспользовались американцы в Совете Безопасности – как, по-вашему, это повлияет на то, как США воспринимаются в регионе?

Позвольте мне зачитать Вам твит министра иностранных дел Омана Бадра Аль-Бусаиди, который он написал после ветирования: «Я глубоко сожалею, что Соединенные Штаты должны жертвовать жизнями невинных граждан ради дела сионизма. Еще много лет после того, как нас не станет, мир будет со стыдом оглядываться на сегодняшний день».

С.В.Лавров: Страны региона и другие страны мира **должны сами выносить суждение** относительно того, как США используют право вето».[45]

Следом мы видим стратегию дискредитации и нападения с помощью тактики оскорбления. Лавров даёт негативную оценку действиям американцев, используя сарказм и нелюбезные эпитеты. Дискредитация Америки сочетается со информационно-интерпретационной стратегией и тактикой разъяснения.

«Что касается нас, мы давно это сделали. Эгоистичный характер решений, принимаемых американской внешней политикой, нам хорошо известен. Вы упомянули право вето. Используя его для упомянутой

резолуции, американский представитель в зале Совета Безопасности ООН заявил, что они не могут поддержать требование о немедленном прекращении огня в секторе Газа, потому что это, мол, посеет семена для будущей войны.

Американцы "замечательно" себя проявляют в том, что мы называем «культурой отмены». **Всякий раз**, когда им не нравится какая-то часть истории или какие-то события, они "отменяют" то, что этому предшествовало. **Что касается этой фразы "объявляя прекращение огня, мы посеет семена для следующей войны"**. **Мы все должны помнить**, каковы истоки ситуации на палестинских территориях, о том, что происходит с резолюцией 75-летней давности, обещающей палестинцам государство. Уже около 50 лет она саботируется. Продолжается блокада сектора Газы» [45].

3. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова информационному агентству ТАСС, Москва, 28 сентября 2023 года.

«Вопрос: Первый вопрос, безусловно, касается Украины. Уже понятно, что "контрнаступление" Украины провалилось. В западной прессе всё чаще звучат тезисы о том, что уже этой осенью возможны переговоры. Есть ли какие-то предпосылки к этому?»

С.В.Лавров: Мы их не видим. На этот счёт было немало комментариев и Президента Российской Федерации В.В.Путина, и Вашего покорного слуги, и пресс-секретаря Президента России Д.С.Пескова. **Запад, когда начинает запускать такого рода провокационные слухи**, видимо, проверяет нас на готовность пойти на его условия. А они их особо не скрывают. Взять паузу на несколько месяцев и никаких договоренностей, кроме временного прекращения огня, а за выигранное время накачать Украину новым оружием дополнительно к тому, что уже было поставлено и что планомерно уничтожается нашими вооружёнными силами. Логика та же самая, как и в

случае с Минскими договорённостями.» [50]

В ответе на поставленный вопрос переводит внимание интервьюера на действия коллективного запада – стратегия дискредитации и нападения с помощью тактики обвинения.

«Вопрос: Не могу не задать вопрос на горячую тему – это Армения. Как Вы считаете, может ли получиться так, что Армения потеряет Россию?

С.В.Лавров: Там есть много желающих потерять Россию и **обрести себе новых друзей.**

Исторически, географически, геополитически **невозможно потерять Россию** в том смысле, что полностью игнорировать её интересы в Закавказье. Но такие **надежды питают некоторые руководители** в Ереване. Они об этом прямо говорят» [50].

Не называя имён, Лавров использует тактику оскорбления, намекая, что в Армении есть много предателей. Вместе с этим, министр не забывает подчеркнуть сильную позицию России – это стратегия самопрезентации, реализуемая через тактику отождествления.

«Никогда **не относились негативно** к грузинскому народу. **Любим** грузинский народ по-настоящему, как и все народы Закавказья. В истории России, **Советского Союза** и нашего искусства, культуры, науки грузины **занимают особое место**» [50].

Стратегия самопрезентации в этом примере достигается с помощью тактики отождествления, сказанных добрых слов о грузинском народе. Это позволяет построить положительный имидж страны-правопреемницы СССР.

4. Видеообращение Министра иностранных дел России С.В.Лаврова к

организаторам и участникам Международного форума «РОСТКИ: Россия и Китай – взаимовыгодное сотрудничество», 8 сентября 2023 года.

«С удовлетворением констатирую, что Татарстан **накопил богатый опыт успешного взаимодействия** с китайскими друзьями как на региональном уровне, так и по линии муниципалитетов. **Поддерживаются побратимские связи, реализуются соглашения** торгово-экономического, научно-технического и гуманитарного профилей. На территории республики **успешно работают** известные компании по производству бытовой техники из КНР, в том числе «Хайэр» и «Мидеа». **Новые возможности** в налаживании взаимодействия появились после открытия пять лет назад в Казани Генерального консульства КНР.»[48]

В этом отрывке мы видим стратегию самопрезентации, реализуемую через тактику отождествления.

5. Ответ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на вопрос программы «Москва. Кремль. Путин», 27 августа 2023 года.

«Вопрос: Помним, когда БРИКС называли объединением, которое ни на что не влияет. Сегодня видим, что десятки стран готовы присоединиться. О чем это говорит?

С.В.Лавров: Это говорит о том, **что они работают языком, а мы головой и конкретными делами.»** [55]

Здесь политик реализует стратегию самопрезентации с помощью тактики оппозиционирования.

6. Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе переговоров с Министром иностранных дел Турецкой Республики Х.Фиданом, Москва, 31 августа 2023 года.

«Учитывая Ваш послужной список, убеждены, что **в наших отношениях** сохранится преемственность по линии внешнеполитических ведомств. Тем более, что это вытекает из принципиальных договорённостей **наших президентов**. Учитывая, что Президент России В.В.Путин и Президент Турции Р.Т.Эрдоган готовятся к своей очередной встрече, считаю, что сегодня **мы должны** подробно посмотреть на вопросы, которые будут вынесены на их обсуждение.

Безусловно, помимо двухсторонней повестки дня **у нас** насыщенный диалог и практическое **сотрудничество** по региональным и международным делам. Всё это требует регулярной сверки часов. Убеждён, что сегодняшняя встреча будет полезной и позволит представить добротные рекомендации на рассмотрение **наших лидеров**.»[49]

Во вступительном слове в ходе переговоров дипломат использует стратегию формирования эмоционального настроения и её тактику единения. Таким образом Сергей Викторович Лавров формирует положительный эмоциональный фон, который побуждает к сотрудничеству – одной из основных задач дипломатии.

7. Ответ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на вопрос журнала «Международная жизнь» относительно инициатив по украинскому урегулированию, 4 августа 2023 года.

Вопрос: Как Вы неоднократно говорили, сейчас возникает все больше

различных инициатив по украинскому урегулированию. Вместе с тем исходящие от западных стран предложения направлены исключительно на одностороннее продвижение «формулы мира Зеленского» без учета реалий «на земле» и интересов России. Какие проблемы в связи с этим возникают с Вашей точки зрения?

С.В.Лавров: В связи с многочисленными инициативами по украинскому урегулированию **подтверждаем**, что ценим любые усилия по достижению справедливого и устойчивого мира. **Ясно**, что ни в одном конфликте не добиться справедливости, если не обеспечить строгое соблюдение всеми прав национальных меньшинств. Тем более **это безальтернативно** для Украины, где русский всегда был родным языком для большинства населения»[54].

Информационно-интерпретационная стратегия в ответе С.В. Лаврова реализуется с помощью тактики комментирования. Отвечая на вопрос, политик постепенно переводит акцент на западные страны, обвиняя их в пособничестве Украине.

«Англосаксы и их союзники **встали на защиту нацистов** в Киеве, замалчивая, а то и **оправдывая их действия**, попирающие права человека и права нацменьшинств»[54].

8. Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе встречи с руководителем Канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам КНР Ван И, Джакарта, 13 июля 2023 года.

«Дорогой друг,

Уважаемые коллеги,

Виделись с Вами в марте с.г. в Москве в рамках государственного

визита Председателя КНР Си Цзиньпина, ставшего первой зарубежной поездкой после переизбрания на третий срок. **Как Вы и сказали**, этот визит увенчался принятием **важнейших документов**, подтвердивших преемственность российско-китайских отношений, **нашу нацеленность** на их **всемерное развитие** и на **продвижение принципов** справедливости, равноправия и **взаимной выгоды** во всех международных делах»[46].

Тактика акцентирования положительной информации на результатах предыдущего визита Си Цзиньпина в Москву используется одновременно с тактикой единения, указания на общность интересов и их успешное совместное достижение.

9. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова индонезийской газете «Компас», 11 июля 2023 года.

«Вопрос: Если война на Украине продолжится, что будет дальше? Что будет делать Россия?

С.В.Лавров: Думаю, что ответ на Ваш вопрос правильно **начать с разьяснения первопричин** событий на Украине. Очень часто **приходится слышать**, что конфликт якобы начался в феврале 2022 года с «непровоцированной агрессии» России. **Это абсолютно лживое утверждение.**

Напомню, что в феврале 2014 года Вашингтон и его сателлиты из Евросоюза срежиссировали государственный переворот в Киеве. Именно с **этой точки следует вести отчет** последующих событий.

В результате переворота был насильственно свергнут законно избранный президент Украины, а к власти пришли прозападные антироссийские силы при поддержке неонацистских группировок последователей гитлеровских коллаборационистов С.Бандеры и Р.Шухевича» [53].

В ответе на вопрос интервьюера, С.В. Лавров использует тактику разъяснения, проливая свет на события, послужившие причиной начала Специальной военной операции.

«Мы не склонны определять нынешний этап международных отношений как некая «новая холодная война». Речь идет о другом – о становлении многополярного миропорядка. Это объективный процесс. Все видят, что новые центры принятия глобально значимых решений укрепляют свои позиции в Евразии, Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке. Такие государства и их объединения исповедуют ценности национальных интересов, самостоятельности, суверенитета, культурно-цивилизационной самобытности и международного сотрудничества. То есть находятся полностью в тренде мирового развития и поэтому добиваются все новых успехов.»[53]

Для объяснения и аргументирования необходимости процесса становления многополярного мира, Лавров использует тактики указания на перспективу и обоснованных оценок.

10. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Султаната Оман Б.Аль-Бусаиди по итогам переговоров, Москва, 11 июля 2023 года.

«Сегодня основное внимание уделили двусторонним вопросам, рассмотрели все аспекты нашего взаимодействия, отметили традиционно доверительный политический диалог на высшем и высоком уровне,

договорились о его продолжении. **Есть планы** дополнить политический диалог еще и диалогом между нашими парламентариями. Такие конкретные идеи прорабатываются, и они в ближайшее время **будут реализованы**. Отраднo, что после незначительного периода, когда в ходе коронавирусной инфекции наш товарооборот упал, **в прошлом году** возобладала **тенденция к росту** – он **увеличился** более чем на 45 процентов. **В первые четыре месяца** нынешнего года вырос ещё более чем на 50 процентов. Наше общее мнение, что эту тенденцию нужно поддержать. **Цифры растут**, они значительны, но, конечно же, потенциал нашего экономического взаимодействия **гораздо больше**»[52].

В этой части своего выступления С.В. Лавров реализует тактику контрастивного (сопоставительного) анализа. Речь идёт о перспективах сотрудничества Российской Федерации и Омана, о результатах, которые уже удалось достичь несмотря на такие сложности, как эпидемия коронавируса. Также мы видим использование временных дейктических элементов.

11.Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова медиагруппе «Радио и ТВ Португалии», Москва, 30 июня 2023 года.

«Посмотрите, какая **сейчас** доля в мировом ВВП приходится на страны «семёрки». Она **уже меньше**, чем доля стран БРИКС. Разрыв уверенно **сокращается**. КНР по большинству параметров развития **уже вышла** на первое место. Особенно если считать по паритету покупательной способности, по доходам ВВП как раз на душу мало должно быть. **Процесс ещё не завершился** выходом Китая на первые позиции, но **тенденция неостановима**»[51].

Мы видим ещё один пример тактики контрастивного анализа. Лавров

даёт характеристику настоящего, используя глаголы прошедшего и настоящего времени, временные дейктические элементы.

«Насчет позиции **Президента США Дж.Байдена и его Администрации. Они** ни разу не предложили искать мирное решение, а выступали с критическими замечаниями, когда **в странах Глобального Юга** проявлялись соответствующие инициативы, когда прозвучала инициатива **африканских стран** и инициатива **Президента Бразилии Л.Лулы да Силвы.**» [51]

Сергей Викторович Лавров сопоставляет действия США в отношении урегулирования конфликта на Украине с действиями дружественных России стран.

«**Поинтересуйтесь**, Вы же журналист и имеете возможность проводить журналистские расследования: среди **многочисленных фейков** и вранья ярче всего можно охарактеризовать происходящее в западных кругах на примере н.п.Буча, где **в начале апреля 2022 г.** были представлены тела людей, **якобы** замученных российской армией. Десятки тел на главной улице. Их показали **через трое суток** после того, как российская армия вывела оттуда свои войска. Я бы понял, если бы они были спрятаны где-то в подвале. Но телекамеры сняли их, лежащими на центральной улице города. Такие **«постановки»** нам хорошо известны. Буча – наиболее циничная из них.

Мы попросили предоставить имена людей, которых там **«убили»**. Прошло уже **больше года**, но никто не собирается этого делать. Никто не говорит про расследование. Не было разбирательства и **в 2014 г.**, когда **2 мая** украинские националисты, не стесняясь, позируя на камеры, сожгли 50 человек в одесском Доме профсоюзов. Расследование **было открыто**, но никуда не привело. **Прошло уже девять лет**»[51].

Продолжая преследовать аргументативную стратегию с помощью тактики контрастивного анализа, мы видим ещё одну стратегию – самозащиты. В этой части интервью она реализуется за счёт тактики оспаривания.

12. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на заседании Делового совета, Москва, 23 июня 2023 года.

«Как вы знаете **в конце июля** с.г. планируется второй саммит Россия-Африка. Мы **готовимся** к нему **в ситуации**, когда в мире происходят глубинные изменения, которые требуют корректировки как российских внешнеполитических, так и внешнеэкономических приоритетов. Она **уже происходит**, прежде всего на традиционно дружественных географических направлениях, к которым всегда исторически относился Африканский континент.

Его роль в качестве одной из важнейших опор формирующейся многополярной системы продолжает **возрастать**. **За последние десять лет** номинальный ВВП Африки **вырос в 1,5 раза**, а доля транснациональных корпораций в нем неуклонно **снижается**. Многие страны достигли существенных успехов в укреплении своих экономик. Особое значение имеет создание Африканской континентальной зоны свободной торговли. **В ближайшей перспективе** при нашем активном содействии **будет решен** вопрос о включении Африканского союза в «Группу двадцати». Это **позволит** континенту полноценно участвовать в формировании международной повестки дня и в механизмах глобального управления» [47].

В этом выступлении мы видим аргументативную стратегию и характерную для неё тактику сопоставительного анализа, типичным свойством которой является использование дейктических элементов.

Выводы:

В беседе политик использует в основном четыре коммуникативных стратегии: аргументативная стратегия, информативно-интерпретационная стратегия, стратегия дискредитации и нападения; стратегия формирования эмоционального настроения адресата.

Мы выявили политические стратегии и тактики, наиболее характерные для публичных выступлений С.В. Лаврова. Также смогли убедиться, что их выбор играет крайне важную роль при ведении диалога. В политическом мире цена ошибки может быть очень высока как для самого политика, так и для народа, мнение которого он имеет честь представлять на международной арене.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Термин «коммуникативное поведение» был введён И.А. Стерниным ещё в 1989 году. В ходе теоретического анализа коммуникативного поведения, мы начали с описания этого определения согласно модели И. А. Стернина. Понятие "коммуникативное поведение" и его влияние были рассмотрены в начале работы, где мы определили принципы его описания, такие как принцип системности и контрастивности. Также мы затронули вопросы использования нежесткого метаязыка и разграничения общественных норм и практик.

Менталитет и национальный характер были кратко затронуты в контексте их значения для коммуникативного поведения. Мы также освещали понятия вербального и невербального коммуникативного поведения.

Отмечено, что русские в общении проявляют приветливость, улыбочивость, жизнерадостность и шумливость, выражая доминантность в общении, искренность и эмоциональность. При этом они не любят паузы в разговоре, предпочитают беседовать "по душам" и высказывают много оценок, включая политические темы.

Анализ теоретико-методологических работ позволил определить политический дискурс как текст, функционирующий в общественно-политической сфере. Отмечено, что структура политического дискурса отражает политическую деятельность и является формой политической активности.

С.В. Лавров в основном использует четыре коммуникативные стратегии в своих публичных выступлениях, а именно:

- аргументативная стратегия,
- информативно-интерпретационная стратегия,
- стратегия дискредитации и нападения,
- стратегия формирования эмоционального настроения адресата.

Реализуются эти стратегии с помощью следующих тактик: тактика разъяснения, тактики учёта ценностных ориентиров адресата, тактика обвинения, тактика оскорбления тактика, тактика обоснованных оценок, тактика указания на перспективу, тактика контрастивного (сопоставительного) анализа, тактика акцентирования положительной информации, тактика солидаризации, тактика разъяснения, тактика отождествления, тактика указания на путь решения проблемы и др.

С.В. Лавров проявляет себя как доминантный собеседник, иницилируя общение. В целом, его выступления представляют интерес для исследователей, и независимо от тональности общения, коммуникативные взаимодействия с его участием достигают поставленных целей и успешно передают информацию адресатам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 21–48.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М. А. Кронгауз, Вступ. ст. Е.В. Падучевой. - М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Вознесенская Ю. В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации: на материале парламентских дебатов в Бундестаге: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Юлия Владимировна Вознесенская. – Санкт-Петербург, 2010. – 185 с.
4. Вьюнов Ю. А. Истоки и основные свойства русского национального характера. Русская духовная культура. Москва, 1995. С. 19-30.
5. Гавра, Д.П. Современные теории и стратегии в сфере PR / Д.П. Гавра, Д.П. Шишкин. – Санкт-Петербург: Невский институт языка и культуры, 2006. – 83 с.
6. Дацюк, С. А. Коммуникационные стратегии [Электронный ресурс] / С.А. Дацюк // Центр гуманитарных технологий. – 1999. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2751> (дата обращения: 10.11.2023).
7. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
8. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
9. Демьянков В. З. Теория речевых актов в контексте современной лингвистической литературы: (Обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1982. С. 223–235.
10. Желтухина М. Р. Волюнтаривная функция комического в

- политическом дискурсе // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 71–79.
- 11.Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. М.: УРСС, 2006. – 288 с.
- 12.Иссерс О. С. Коммуникативный портрет языковой личности (на материале писем Сергея Довлатова) // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. Докл. Междунар. Конфер.: IV Шмелевские чтения. М.: Азбуковник, 2000. С. 61–63.
- 13.Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: ИЯ РАН, 1992. – 330 с.
- 14.Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- 15.Клюев. Е.В. Речевая коммуникация / Е.В. Клюев. – Москва: Рипол классик, 2002. – 315 с.
- 16.Ланских А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук; Уральский государственный университет им А. М. Горького. Екатеринбург, 2008. – 23 с.
- 17.Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: [Учеб.пособие] / Н.М. Лебедева. - М.: Ключ-С, 1999. – 223 с.
- 18.Маслова В. А. Лингвокультурология / М.: Академия, 2001. – 183 с.
- 19.Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2004. – 256 с.
- 20.Михальская А. К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов. М.: Академия, 1996. – 189 с.
- 21.Морковкин В. В., Морковкина А.В. Язык как проводник и носитель знания // Русский язык за рубежом №1 – 2, 1997. С. 47– 48.

- 22.Олешков М. Ю. Системное моделирование институционального дискурса (на материале устных дидактических текстов): специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Нижний Тагил, 2007. – 42 с.
- 23.Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук; Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2005. – 48 с.
- 24.Протасова Е. Ю, Мустаёки А. «Мы» и «Они»: русские о финнах и финны о русских. Русское и финское коммуникативное поведение: выпуск 3. Воронеж, 2002. С. 14-49.
- 25.Салихов, А. Ю. Понятие коммуникативной стратегии / А.Ю. Салихов // Вестник науки и образования. – 2014. – №1 (1). С. 34–38.
- 26.Серио П. Квадратура смысла. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.
- 27.Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. Учебное пособие. Санкт-Петербург, 1999. – 203 с.
- 28.Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии» // Риторика ↔ Лингвистика. Вып. 5. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 5–11.
- 29.Сковородников А. П. К методологии разработки и представления русского риторического идеала // Филологические науки. – 1999. – № 5. С. 75–82.
- 30.Сковородников А. П. О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности // Теоретический и прикладные аспекты речевого

- общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 5. Красноярск – Ачинск, 1997. С. 27–37.
- 31.Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1984. – 255 с.
- 32.Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2002. – 215 с.
- 33.Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения- - Воронеж: «Гарант», 2000. – 27с. Изд. 2. испр. 2015. – 52 с.
- 34.Стернин И. А. Модель русского невербального коммуникативного поведения. Русское и финское коммуникативное поведение: выпуск 2. Санкт- Петербург, 2001. С. 14–26.
- 35.Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989, С. 279–282.
- 36.Стернин И. А. О понятии менталитет // *Язык и национальное со-знание*. Воронеж, 1998. С.1–11.
- 37.Стернин И. А. Очерк русского коммуникативного поведения. Галле, 1991. – 61 с.
- 38.Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 4–20.
- 39.Стернин И. А. Практическая риторика. М.: Эксмо, 2003. С. 29–47.
- 40.Стернин И. А. Русский коммуникативный идеал. Русское и финское коммуникативное поведение: выпуск 2. Санкт-Петербург, 2001. С. 9–13.
- 41.Труфанова И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // *Филологические науки*, 2001. №3. С. 56–65.
- 42.Халипов В. Ф. Энциклопедия власти / В. Ф. Халипов. – М.: Академический Проект: Культура, 2005. – 1056 с.
- 43.Чудинов А. П. Политическая лингвистика: Учеб.пособие. М.:

Издательства «Флинта», «Наука», 2006. – 254 с.

- 44.Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: специальность 10.02.01 «Социоллингвистика, психоллингвистика»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук; Волгоградский государственный педагогический университет, 2000. – 431 с.

Список материалов

- 45.21-й Дохийский форум. С.В. Лавров [выступление]. 10.12.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1920028/ (дата обращения: 12.12.2023)
- 46.Джакарта. С.В. Лавров [вступительное слово]. 13.07.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1896690/ (дата обращения: 14.12.2023)
- 47.Заседание Делового совета. С.В. Лавров [выступление]. 23.06.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1891171/ (дата обращения: 14.12.2023)
- 48.Международный форум «РОСТКИ: Россия и Китай – взаимовыгодное сотрудничество». С.В. Лавров [видеообращение]. 08.09.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1903598/ (дата обращения: 12.12.2023)
- 49.Москва. С.В. Лавров [вступительное слово]. 31.08.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/1902256/ (дата обращения: 13.12.2023)
- 50.Москва. С.В. Лавров [интервью]. 28.09.2023 // Информационное агентство ТАСС. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/posledniye_dobavlnenniye/1906650/ (дата обращения: 12.12.2023)
- 51.Москва. С.В. Лавров [интервью]. 30.06.2023 // Медиагруппа «Радио и ТВ Португалии». URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/18948

- 88/ (дата обращения: 14.12.2023)
- 52.Пресс-конференция. С.В. Лавров [выступление и ответы на вопросы]. 11.07.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/1896354/ (дата обращения: 14.12.2023)
- 53.С.В. Лавров [интервью]. 11.07.2023 // Индонезийская газета «Компас». URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1896460/ (дата обращения: 14.12.2023)
- 54.С.В. Лавров [ответ на вопрос]. 04.08.2023 // Журнал «Международная жизнь». URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1899634/ (дата обращения: 13.12.2023)
- 55.С.В. Лавров [ответ на вопрос]. 27.08.2023 // Программа «Москва. Кремль. Путин». URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/1901698/ (дата обращения: 13.12.2023)
- 56.Санкт-Петербург. С.В. Лавров [интервью]. 16.06.2022 // Телеканал «Би-Би-Си». URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1818228/ (дата обращения: 12.12.2023)